

БАЗИСНЫЕ ЭТНОМАРКИРОВАННЫЕ МЕТАФОРЫ В ЧЕЧЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Л. М. Довлеткиреева

Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова
Академия наук Чеченской Республики

Поступила в редакцию 12 октября 2023 г.

Аннотация: в статье рассматривается репрезентация базисных этноментальных метафор в стихотворных текстах классиков чеченской литературы: Раисы Ахматовой, Арби Мамакаева, Магомета Мамакаева, Билала Саидова, Ямлихана Хасбулатова и других. Автор стремится выявить средствами лингвокультурологического и литературоведческого анализов взаимосвязь между образным мышлением этноса и ментально значимыми отвлеченными понятиями, определить место ключевых метафор-символов в семиотической системе языковой картины мира чеченской нации и чеченской лингвопоэтики.

Ключевые слова: концепт, метафора, художественный образ, языковая картина мира, поэтический символ.

Abstract: the article deals with the representation of basic ethno-mental metaphors in the poetic texts of the classics of Chechen literature: Raisa Akhmatova, Arbi Mamakaev, Magomet Mamakaev, Bilal Saidov, Yamlikhan Khasbulatov and others. The author seeks to reveal by means of linguoculturological and literary analysis the relationship between the figurative thinking of an ethnic group and mentally significant abstract concepts, to determine the place of key metaphors-symbols in the semiotic system of the linguistic picture of the world of the Chechen nation and Chechen linguopoetics.

Keywords: concept, metaphor, artistic image, language picture of the world, poetic symbol.

В данной статье метафора рассматривается в качестве психологического и речевого механизма, который позволяет произвести перенос наименования с одного предмета на другой на основе общих признаков, по аналогии, как один из ведущих тропов в художественной стилистике, формирующих образно-выразительную картину литературного текста и оказывающих эстетическое воздействие на читателя. Художники слова являются носителями определенной национальной и языковой картины мира, фрагменты которых так или иначе отражаются в их творчестве, поэтому воспроизводимость образа в произведениях различных авторов и жанров и его ментальная наполненность, на наш взгляд, сигнализируют о том факте, что эта метафора является результатом коллективного этноментального мышления и входит в национальную концептосферу. Ведь перенос наименований основывается в этом случае на «мифологемах», «языковых ассоциативных стереотипах», «прагматике быта того или иного народа, определяющих аксиологическую природу образной аналогии» [3, 131].

Используется методология литературоведения, стилистики и когнитивной лингвистики: структурно-семантический анализ художественного текста,

установление связи между языком и мышлением, выявление ключевых концептов национальной картины мира на материале поэзии, определение логических абстрактно-образных корреляций между категориями бытия и категориями сознания.

Этническое своеобразие образной системы литературно-художественного текста определяется различными экстралингвистическими факторами: природой родного края, материальной и духовной культурой, историческими перипетиями в жизни этнического сообщества, этическими ценностями, традициями, обычаями. Ведь мышление, в том числе и национальное, опосредуется конкретным опытом жизнедеятельности, поэтому в основе ассоциативных связей лежит, в первую очередь, именно телесный опыт. Следовательно, для интерпретации художественных образов читатель должен владеть определенным набором фоновых знаний, только в этом случае он будет способен воспринимать текст в плоскости национального мировидения автора, неискаженно. Читателю-инофону необходимо отделить собственное мироощущение от авторского, коррелируемого его национальным менталитетом.

Чеченская лингвокультура, как и любая другая, является сложной семиотической системой, состоящей из многочисленных ментально-образных кодов и базирующейся на фольклорных текстах, мифоло-

гии, религиозной и хозяйственно-бытовой практике, литературно-художественном творчестве.

На наш взгляд, анализ поэтических произведений чеченских авторов показывает, что они, в основном бессознательно, оперируют этими образными знаками, включая их в художественное пространство своих текстов. Мы говорим «бессознательно», так как повторяемость одного и того же образа в текстах разных поэтов свидетельствует об этнопсихическом характере этого процесса, о влиянии национальной картины мира. Тем не менее, поскольку мастер слова всегда стремится к оригинальности и индивидуализации метафоры, оказываясь погруженным в новый литературный контекст, общеязыковой символ наполняется дополнительными смыслами, получает более яркое звучание, оставаясь в то же время специфическим национально-ментальным маркером художественного сознания автора.

Для национального образного мышления горцев характерно «вертикальное сознание», или, по определению З. А. Кучуковой, «философия вертикали» [4], то есть географическое положение определяет наличие вертикальных символов, обладающих положительной коннотацией. Прежде всего, это горы, чинары, орлы, небо, клинок, кинжал, башни...

Горы в ментальном представлении чеченцев связаны с идеей духовного возвышения, стремлением к идеалу, мудростью, ведь они устремлены своими остроконечными вершинами к небу и возвышаются над всем сущим. Они также являются своеобразным оберегом этноса в прямом и переносном смысле, поскольку именно горы защищают от врагов, а также охраняют вековые обычаи и нравы от внешнего воздействия, поэтому в образно-поэтической картине мира сопутствующими горам символами являются папаха и бурка — элементы национальной одежды горца, его внешние идентификаторы.

В «Сказании о горцах» Магомед Мамакаев объясняет, почему именно горы стали ключевым символом кавказских поэтов, они олицетворяют Родину, ее прошлое и настоящее, необходимость оберегать законы старины, сформированные «у подножья гор — жилищ орлов» «седыми прадедами и дедами» и основанные на «любви к Отчизне, совести, долге и чести» [5, 127]. Ценным качеством горца является мужество, которому будущего защитника учат с колыбели:

Любовь к Отчизне,
Совесть,
Долг и честь
Здесь сыновьям внушали с колыбели
И, прежде чем учили пить и есть,
О мужестве над ними песни пели. [5, 127].

Трусливого же ожидает проклятье матери, о чем также предупреждает суровая колыбельная: «Пусть молоко груди моей / Убьет тебя, как яд» [5, 128]. Поэт использует фольклорное проклятье, которое до сих пор, являясь фразеологизмом, активно воспроизво-

дится в речи носителей чеченского языка. Имена же героев в горах передаются из поколения в поколение в легендах и преданиях, не позволяя прерваться цепочке и сохраняя преемственность поколений:

В семействе гор, ушедших в облака,
Они из уст в уста передавались,
Из сердца в сердце, из веков в века,
И годы шли — легенды оставались.

И полон я преданий прошлых дней,
Заветов горькой и великой жизни,
И навсегда слилось в душе моей
Понятье гор с понятием Отчизны! [5, 128].

Из географических объектов еще одним популярным символом в чеченской поэзии является река, причем не абстрактная и типизированная, а конкретные реки, протекающие в Чечне — Терек и Аргун. Их буйный нрав передает стремительный, напористый, сильный, мужественный характер обитателей этих мест. Как это часто бывает, в одном стихотворении сплетаются, дополняя друг друга, несколько символов-метафор, эпитетов, сравнений. Так, в стихотворении «Терек» Арби Мамакаева — это горы, волк, тучи:

С гор высоких, где клубятся тучи,
Ты сбегаешь, Терек мой кипучий,
Оглушен стою на берегу,
Ты по-волчьи воешь на бегу. [5, 141].

Большинство символов-метафор, в том числе перечисленные нами выше, также связаны с непреходящей ценностью национального микрокосма — свободой. Арби Мамакаев, посвящая осетинскому классику Косте Хетагурову свои патетические строки, напоминает, что миссия кавказских поэтов заключается в воспевании свободы, поэтому вся семиотическая система кавказской лирики выстраивается вокруг этой константы — географические объекты, анималистические метафоры, элементы культуры и быта — все они призваны отстаивать право горцев на собственный образ жизни и мысли.

Горы, ущелья, обычаи, реки,
Скалы, аулы твои, мой Кавказ,
Счастье и верность свободе навеки —
Все воспевали поэты не раз! [5, 142].

Отмечая превосходство Косты Хетагурова над всеми остальными певцами свободы, чеченский поэт сравнивает его с самой высокой горной вершиной:

Словно Казбек среди гор, головою
Выше других был твой сын, твой певец! [5, 141].

Неразрывность символики горы с понятиями свободы, чести, мужества, негиблемости характера и воли подчеркивают и строки из поэмы А. Мамакаева «В горах Чечни»: «Их научила мать-природа / Быть тверже неприступных гор. / Всего милее им свобода. / Всего страшнее им позор». [5, 150].

Волк и конь — два важных символа, организующих и наполняющих многомерными смыслами семантическое поле концепта «кьо́нах» (в перево-

де на русский язык — джигит, хотя данная лексема не является эквивалентной этому глубокому понятию). Къонах в чеченском представлении не просто мужчина, смелый и сильный, это, прежде всего, благородный молодец, который видит смысл своей экзистенции в защите родины и стремлении к свободе, он соблюдает неписанный кодекс чести къонаха, в чеченском языке ему соответствует безэквивалентная единица речи — къонахалла — свод определенных норм, правил и представлений, характерных для миропонимания и образа жизни достойного мужа. Стержневым компонентом этой системы является понятие чести.

В стихотворении «На могиле отца» А. Мамакаев, используя фольклорные мотивы и перепевы, приводит несколько незыблемых формул из этого кодекса, в фокусе которых понятие о чести: «Лучше горькая честная смерть, чем бесчестное имя», «Чтобы честь от тебя не ушла, будь ты смелым и стойким», «Пусть на свет не рождается сын, если он не их храбрых» [5, 150].

Семантическое поле концепта «джигит (къонах)» формируется с помощью метафор-символов «гора», «волк», «конь», «орел», «сокол», «барс», «лев», «кинжал», «папах», «бурка», «воля (свобода)»... Например, у А. Мамакаева: «Близок я горам по крови и духу...» [5, 146], «И мне бродить с волками наравне» [5, 152], «Джигит — мальчишка без коня» [5, 155]. Порой несколько анималистических символов в одном контексте призваны усиливать впечатление, как у Ахмата Нажаева: «Рвались кони, гордые, как львы» [5, 186]. Призвание къонаха — отстаивать независимость своего народа, это его добровольный выбор, он обладает абсолютной внутренней свободой, поэтому даже природа родного края, воздух дышат ею: «Дни и ночи птицами летели, / Непреклонной волею дыша» [5, 186].

Олицетворяют устремленность чеченцев к свободе и песни пондара — чеченского музыкального инструмента. Чеченские эпические песни илли обладают мощной силой воздействия на слушателей, повествуя о реальных героях чеченской истории и называя их по именам, позволяя сохранить память о достойных пращурах.

Билал Саидов видит предназначение поэта — певца родной земли в том, чтобы «быть орлом в поднебесных гнездовьях» [5, 228], то есть быть свободным и возвышающимся, парящим над суетой мира, горы он называет «бородатыми» [5, 229], что еще раз подчеркивает тот факт, что большинство авторов связывают символику гор с историческим прошлым, хранителями которого они выступают, мудростью и непоколебимой стойкостью предков.

О преемственности поколений, магической силе родной земли, передающей от дедов к отцам и от отцов к сыновьям их свободолюбивый дух, пишет в стихотворении «Ночь в горах Ведено», посвященном че-

ченскому национальному герою — абреку Зелихану Харачоевскому, ингушский поэт Хамзат Осмиев. Гора в лирических строках олицетворена и предстает в образе заколдованного великана, возвышающегося над миром. Силу ей придает вода ручья, символизирующая взаимосвязь всего сущего и ту роль, которую играет природа родного края в формировании национального характера и психологии. С водой ручья каждый испивший из него приобретает особые силы, ведь это «ручей, из которого пил Зелимхан» [5, 221]. Этот же мотив прослеживаем в стихотворении Ямлихана Хасбулатова «Чахчар» («Водопад»): «Сам Зелимхан, Харачой покидающий <...> пил твои струи» [5, 401]. В этом произведении водопад выступает хранителем исторической памяти, связующим звеном между прошлым и настоящим, символом мощи и величия. Синонимичным по своей семантике водопаду и горе является и дикая груша в стихотворении «Старая груша» Я. Хасбулатова, она также олицетворяет родную землю, каждый шелест ее листы является средоточием памяти о событиях давно минувших лет, наследии и заветах предков, преемственности поколений къонахов: «Как много былей в шелестах и скрипах», «Ты потому под бурей не сломалась, что у тебя джигиты за спиной» [5, 402].

Орлы, горы и башни — символы, неразрывно связанные друг с другом, зачастую взаимодействуют в одном художественном тексте, обогащая его пространство различными семантическими оттенками, транслирующими общую идею величия исторических идеалов и устремлений этноса. Горы и башни (их культурные копии) являются стражами поколений, хранителями исторической памяти, у Раисы Ахматовой «горы не стареют / Они могучи, как полет орла», «Тут кровь отцов на скалах затвердела, и слава их бессмертье обрела» [5, 258]. Несмотря на то, что в целом символика у Раисы Ахматовой насыщена типичными для чеченского миропонимания понятиями и идеями, порой гендерный фактор влияет на то, что рассматриваемые образы вплетаются в сугубо женскую лирическую метафорику, приобретая нехарактерную для них нежность и чистоту звучания. Происходит это за счет использования в одном контексте феминно маркированных метафор, олицетворений и сравнений, например: «Небо сбросило звездную шаль», «красота недотроги Чечни», «наши горы тебе принесут сотни тысяч легенд о любви» [5, 262], «Облако к груди горы приникло» [5, 258], о горянке — «глядела на мир, как подбитая лань» [5, 257]. И все же вертикальные символы в поэтике Раисы Ахматовой транслируют, прежде всего, силу духа и непоколебимое стремление к преодолению вековых несвобод: «О женщина гор! Где ты силу взяла, / Чтоб к горной вершине подняться?» [5, 258]

В поэтической картине мира чеченских авторов ключевые концепты-метафоры реализуют свое выразительное начало не только в философских кар-

тинах бытия, но и в простых пейзажных зарисовках. Очевидно, что это происходит неосознанно, поэты мыслят национальными метафорами легко и непринужденно, даже не замечая этого, ведь в противном случае они бы стремились к максимальной индивидуализации образа, его неповторимости. Речь идет о таких выражениях, как «папах небес», «снежная папах гор», «ветер вольной волчицей рыскал» [5, 347] и других, в которых прослеживается непроизвольная повторяемость. Их также нельзя отнести к категории «постоянных» эпитетов или метафор, характерных для фольклорных произведений, так как они не воспроизводятся в готовом виде, а используются в различных вариациях, органично входя в образную систему авторских текстов наряду с индивидуально-стилистическими тропами и фигурами.

Мы пришли к выводу о том, что метафора как способ мышления и элемент концептосферы позволяет объяснить сложные и концептуально значимые для этноса отвлеченные понятия с помощью более ясных и доступных наименований явлений и предметов. Писатели, будучи носителями определенной языковой картины мира, неосознанно включают национальные концепты-метафоры в художественную систему своих произведений наряду со средствами индивидуальной образности, поэтому тексты, насыщенные этническими знаками, способны активно транслировать читателю этнокультурную информацию. Метафоры-символы языковой картины мира этноса выступают в этом случае как своеобразные коды национальной ментальности, расшифровать которые, не обладая определенными фоновыми знаниями, возможно, но представление может быть неполным или искаженным.

Несмотря на то, что базисные концептуальные метафоры входят в пространство различных поэтических или прозаических текстов, их нельзя рассматривать в качестве трафаретных образов, поскольку писатели применяют многообразные комбинации их творческой реализации, что связано с особенностями их идиостиля. Семантика метафоры расширяется и дополняется тем, что авторы используют

их не изолированно, а в семантическом сочетании с другими метафорами. Ключевая национальная метафора, таким образом, является не только средством экспрессивно-эстетического воздействия на читателя, но и конструирует ментальные смыслы, так как в ее основе лежат исторические, культурные, природные явления.

Из проведенного анализа, на наш взгляд, вытекает, что для чеченской поэзии свойственна реализация устойчивой метафорической парадигмы, основанной на ключевых элементах концептосферы языка. Тематически и по способу экспликации их можно обозначить как метафоры-артефакты, натурфакты и антропоморфы. Они находятся в достаточно тонких и завуалированных взаимопереплетениях денотативно-коннотативных связей и ассоциаций, нанизываясь и наслаиваясь друг на друга в художественной картине мира чеченской поэзии, что приводит к расширению и углублению семантического поля метафорических переносов, укрупняет представление о национальном менталитете, способствует созданию многоплановой и многофокусной модели чеченского мировидения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселёва С. В. Очерки по когнитивной теории концептуальной метафоры / С. В. Киселёва. — Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2013/03/05/pdf>
2. Пименова М. В. Душа и дух: Особенности концептуализации: Монография / М. В. Пименова. — Кемерово: Графика, 2004.
3. Гридина Т. А. Национальная специфика ассоциативного контекста зооморфной метафоры / Т. А. Гридина, Н. Е. Коновалова // Уральский филологический вестник. — № 2 (27). — 2018. — С. 131–141.
4. Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики / З. А. Кучукова. — Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005.
5. Антология чечено-ингушской поэзии / Составитель В. А. Дыхаев. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1980.

Чеченский государственный университет им. А. А. Кадыева

Довлеткиреева Л. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка; старший научный сотрудник отдела языка, литературы и фольклора Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики

E-mail: dlida@inbox.ru

A. A. Kadyrov Chechen State University
Dovletkireeva L. M., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education; Senior Researcher, Department of Language, Literature and Folklore, Institute for Humanitarian Research, Academy of Sciences of the Chechen Republic

E-mail: dlida@inbox.ru